

в ИЯЛИ работ по созданию Топонимического атласа Карелии, ибо позволяют заполнить существовавшую до сих пор лауну в ареалах ряда топонимных моделей. Появился новый материал для изучения образной номинации: круглая форма объекта обеспечила появление таких названий, как поля *Котелок* и *Пятачок*, озерко *Кекозеро* (карел. *kiekko* 'диск, выпиленный из круглого чурбана'); узкое извилистое место в Сумареке имеет название *Мышьи Чрева*, а первый от деревни Воренжа островок назван *Курочкой*, подтверждая высказанную Е. Л. Березович мысль о том, что образ курицы является в топонимии маркером близости объекта к дому [см.: Березович, 2000, 95–96].

Пополнилась и картотека диалектных апеллятивов, сбор которых не ведется целенаправленно, однако они фиксируются в связи с топоосновами: *нюрюша* 'намытый островок в реке, поросший травой' (Тайгиницы), *ряньга* 'возвышенное моховое место на болоте (гряды)' (Шелтопорог), *ламбуха* 'кувшинка' (Нюхчезеро), *шувала* 'травы (мох) для мшения построек' (Воренжа), *тайбола* 'место, где оставляют лодки и идут дальше пешком' (Ендогуба).

Зафиксированы также некоторые локальные групповые прозвища. Так, жители Хижозера известны как *литовцы*, Воренжи – *гагары*, Пулозера – *писаные батогы*, Ендогубы – *линдушники*, Сумострова – *вороны*.

В 2007 г. экспедиционные работы в Беломорском ареале планируется продолжить.

- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и их отражение на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950.
Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
Озерцековский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.
Пименов В. В., Эшштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958.
Юккогуба – Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001.
Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
SN – Uusi suomalaisen nimikirja. Keuruu, 1988.

И. И. Муллонен, докт. филол. наук,
директор Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Д. В. Кузьмин, канд. филол. наук,
мл. науч. сотр. Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
(Петрозаводск)

Из материалов экспедиции Уральского университета в Кадуйский район Вологодской области

Экспедиция Уральского государственного университета (далее – ТЭ УрГУ) в августе 2005 г. работала на территории Кадуйского района Вологодской области, занимаясь сбором топонимии, прозвищной антропонимии, хрононимии, астронимии, а также диалектной лексики. В настоящих заметках речь пойдет о «топонимических» итогах экспедиции.

Для ТЭ УрГУ данный район является территорией вторичного сбора. Впервые сбор топонимии в Кадуйском районе проходил летом 1981 г., а в некоторых населенных пунктах экспедиция побывала весной 1967 г. (территория бывших Конецкого и Шикшеостровского сельсоветов, которые тогда относились к Бабаевскому району). В итоге полевых сборов пополнена топонимическая картотека Кадуйского района Вологодской области (около 5 тыс. единиц хранения, из них около 800 единиц – фиксации субстратной топонимии).

В работе экспедиции принимали участие сотрудники и студенты кафедры русского языка и общего языкознания филологического факультета УрГУ (20 человек). В Барановском и Мазском сельсоветах работали: *Е. Л. Березович* (начальник экспедиции), *Ю. А. Кривошапова*, *К. В. Пьянкова*, *А. А. Макарова*, *Е. В. Шабалина*, *О. В. Атрошенко*, *А. В. Тихомирова*, *О. А. Усольцева*; в Андроновском и Бойловском – *Т. И. Киришева*, *К. С. Верхотурова*, *Е. В. Попова*, *К. М. Старикова*, *М. А. Замураева*; в Великосельском и Никольском – *Л. А. Феоктистова* (заместитель начальника экспедиции), *А. А. Великова*, *Е. А. Верхотурова*, *Е. А. Хайретдинова*, *М. Н. Гафурова*, *А. О. Давыдова*, *Ю. А. Ланда*.

В ходе повторного полевого выезда предполагалось осуществить фронтальный сбор топонимии с применением усовершенствованных методик получения ономастической и диалектной информации, а также выявить изменения, произошедшие в топонимической системе за 25 лет.

Сравнение материалов первой и второй экспедиций позволяет сделать вывод о том, что участники экспедиции стали более тщательно фиксировать сведения о характере поименованного топонимом географического объекта, ориентируясь на понятийную сетку, существующую в сознании местных жителей. К примеру, была собрана более полная информация о названиях такой специфичной для данной территории географической реалии, как остров леса на болоте. Более тщательно фиксировались и другие виды микротопонимов: названия лесных расчисток, делянок, участков покосов и др. Больше внимания, чем ранее, было уделено сбору мотивировочных контекстов для топонимов.

Кадуйский район характеризуется рядом географических, исторических и социально-этнических особенностей, накладывающих отпечаток на топонимическую систему, среди которых особо отметим, во-первых, концентрацию населения по берегам двух крупных рек района – Суды и Андоги, что приводит к соответствующей организации топонимического пространства (ср., в частности, номинативное противопоставление разных берегов р. Суды: правый берег – *Дуброва*, левый – *Таница*); во-вторых, «свежесть» межэтнических контактов, отражающихся в топонимии (в недалеком прошлом в некоторых деревнях проживали вепсы: так, топонимические системы Чупринского, Шикшеостровского и Конецкого сельсоветов отличаются повышенным содержанием заимствованных названий¹).

Анализ субстратной и заимствованной топонимии Кадуйского района позволяет выделить два основных хронологических слоя: один связан с саамскими данными, другой – с прибалтийско-финскими – главным образом, вепскими диалектами.

В качестве наиболее частотных топонимических формантов, встречающихся на территории исследуемого района, можно привести следующие: *-бой*, *-гумузь*, *-солово*, *-Ич*.

Топонимы с формантом *-гумузь* образуют компактный ареал на севере Кадуйского района. Источником русских субстратных форм большинство исследователей считает вепский

¹ Эти сельсоветы ликвидированы в конце 1950-х – начале 1960-х гг., поэтому работа велась с переселенцами из них, которые ныне проживают в Барановском сельсовете. Сами информанты отмечали культурно-языковую и социальную специфику своего прежнего места жительства: «Государство в государстве жили, своим законом».

язык [Матвеев, 2001, 214–215; Муллонен, 1994, 47; Субботина, 1987, 96; Чайкина, 1977]. < Приб.-фин., ср. фин. *halme*, карел., люд. *halmeh*, вепс. *haimeh*, *haimez*, *houimeh* ‘пожог (поле в лесу)’, ‘растущие на пожоге хлеба’ [SSA, 1, 133]. Формант встречается в названиях населенных пунктов, расположенных в глухих местах, и в названиях островов леса на болоте: *Лугумузь*, пок.; *Музгумузь*, б. д.; *Пергумузь*, б. д.; *Пигумузь*, б. д.; *Редумузь*, б. хут.; *Сятрумузь*, б. д.; *Фекмузь*, лес на бол. (все объекты находятся на территории бывших Конецкого и Шикшеостровского сельсоветов).

На территории Кадуйского района зафиксировано множество топонимов с формантом *-Vч*: *Колкач*, б. д.; *Лопач*, руч.; *Негач*, бол.; *Нернич*, руч.; *Рогач*, лес на бол.; *Сивеч*, ур.; *Тырнич*, д. Формант не является дифференцирующим: с одной стороны, его принято считать аффиксом карельско-вепсского типа, с другой – отмечены параллели в саамской топонимии [см.: Матвеев, 2001, 248].

Формант *-бой* встречается преимущественно в названиях рек и ручьев (*Буй*, руч.; *Амбой* (*Амбуй*) руч.; *Ингобой*, руч.; *Ишкобой*, руч.; *Лёдбой* (*Лёдбуй*), руч.; *Нежбуй*, р.; *Солбуй*, руч.; и др.) и фонетически наиболее близок диалектам саамского языка [см.: Матвеев, Стрельников, 1988, 25; Субботина, 1984, 98]. < Приб.-фин. или саам., ср. фин., карел., люд., вепс., эст. *oja* ‘ручей’, ‘канава’, лив. *v(u)ojā* ‘заполненная водой ложбина’ = саам. (Кильдин, Йоканьга) *viåjji* ‘ручей’ (? < фин. или карел.); ср. также саам. *uoij*, *oj*, *viui*, *uij*, *viui* ‘ручей’ [см.: Матвеев, 2001, 257].

Топонимы с формантом *-солово* также образуют ареал на севере района и называют лес на болоте: *Баксолово*, *Ваньгасолово*, *Кумасолово*, *Шаймашолово* (< **Шаймасолово*). Семантически наиболее близкими оказываются саамские данные: ср. фин. *salo* ‘большой лес, тайга’, ‘островок леса’, ‘большой остров’, ливв. *šalo*, *salo*, люд. *salo* ‘глухой лес’, эст. *salu* ‘лесок, роша; островок на болоте’, ‘холм, находящийся на болоте’ = саам. Луле *suolō*, *suolōv*, норв. *suolo*, Кильдин *siel* ‘остров’ (в норвежском диалекте и диалекте Луле также ‘островок на болоте’, ‘островок леса’) [см.: Матвеев, 2001, 225].

Сопоставление ареалов названий с компонентами *-солово* и *остров* (*Большой Остров*, *Ванюшкин Остров*, *Василисин Остров*, *Долгий Остров*, *Поднарожный Остров* и мн. др.) – ограниченная зона в пределах северной части района, преимущественно территория бывших Конецкого и Шикшеостровского сельсоветов – позволяет сделать предположение о том, что во многих случаях вторые являются кальками первых.

По значению к *острову* (‘остров леса на болоте’) близки и другие географические термины, зафиксированные ТЭ: *веретье* ‘сухое возвышенное место, горка (в лесу, на болоте, на лугу, покосе и др.), часто поросшая лесом, кустарником’ (*Веретье*, бол., д., лес, пок.), *оплечек* ‘лес, выдающийся мысом в болото’ (*Лупанов Оплечек*, о-в леса в бол.), *шайма* ‘мелкий лес в сырой низине, на болоте’ (*Шаймашолово*, лес на бол.).

Географическая терминология в топонимическом употреблении представлена как широко распространенными в северно-русской диалектной зоне терминами (*вельга*, *веретье*, *исада*, *лядина* и др.), так и узколокальными, отмеченными на территории только одного района, а нередко и одного сельсовета (см. выше *оплечек*, а также *стамик* ‘полоса, распахиваемая отдельно и находящаяся в стороне от поля’, *фарта* ‘узкая просека, разделяющая два земельных надела’).

Большинство географических терминов, зафиксированных в составе топонимов, имеются в апеллятивной лексике Кадуйского района или соседних районов – Бабаевского и Белозерского: *бочаг* (*Бочаги*, место в лесу), *букля* (*Букля*, поле), *валежа*, *валежи* (*Валежа*, лес; *Валежи*, лес), *вельга* (*Вельга*, руч.; *Глухая Вельга*, бол., *Туманова Вельга*, бол., пок.), *веретье*, *веретья* (*Веретье*, вар. *Веретья*, бол., лес, пок., д.), *выгорода* (*Выгорода*, поле; *Большая Выгорода*, пок.), *грива* (*Грива*, лес; *Еловая Грива*, лес; *Долгая Грива*, лес), *дор* (*Дор*,

пок.; *Ближний Дор*, пок.; *Михейков Дор*, пок.), *лом* (*Лом*, б. д.; поле, *Ломы*, пок.), *ляга* (*Ляга*, бол., пок.; *Черная Ляга*, бол.; *Черёмухова Ляга*, о-в леса на бол.; *Митракова Ляга*, поле; *Совинова Ляга*, руч.; *Ближние Ляги*, пок.), *лядина* (*Бортова Лядина*, пок.; *Катькина Лядина*, бол.; *Ольхова Лядина*, лес), *мох* (*Великий Мох*, бол.; *Малой Мох*, бол.), *наволоок* (*Наволоок*, мыс, пок.; *Ларионовский Наволок*, пок.), *оплечек* (*Лупанов Оплечек*, о-в леса на бол.), *осёлок* (*Осёлок*, б. д., поле; *Дальний Осёлок*, поле; *Первый Осёлок*, лес), *остров* (*Остров*, б. д., лес; *Долгий Остров*, лес на бол.; *Черный Остров*, лес; *Тяпин Остров*, лес; *Филиппов Остров*, поле), *павна* (*Павна*, бол., пок., поле), *порёлка*, *порёлок* (*Порёлки*, пок.), *рамень*, *рамень* (*Рамень*, лес; *Рамень*, пок., поле; *Федото-Рамень*, к. д.), *стамик* (*Стамики*, поле), *старунья* (*Старунья*, оз.; *Верхнедворская Старунья*, старица), *тонь* (*Тонь*, бол.), *увия* (*Увия*, лес; *Дальняя Увия*, лес), *уйта* (*Уйта*, д.), *чисть* (*Чисть*, бол.; *Морошечная Чисть*, бол.; *Горская Чисть*, бол.; *Куликова Чисть*, пок.), *чища* (*Чища*, пок.; *Евдешина Чища*, поле; *Филиппова Чища*, лесная расчистка; *Мокрые Чищи*, пок.), *чуна*, *чупак* (*Чуна*, лес; *Ваничева Чуна*, пок.; *Конёва Чуна*, часть бол.; *Чудинская Чуна*, пок.; *Чупак*, лес, пок.; *Чупаки*, лес), *шайма* (*Шайма*, лес).

С точки зрения ономастической номинации интерес представляют названия покосов и лесных угодий. При номинации покосов систематически происходит расширение семантики слов, обозначающих такие сельскохозяйственные реалии, как *овин* (*Иванов Овин*, пок.; *Колькин Овин*, пок.; *Овинец*, пок.) и *стожжъ* (*Стожжъ*, пок.; *Андрюхино Стожжъ*, пок.; *Боярские Стожжъ*, пок.; *Поповские Стожжъ*, пок.; *Солдатские Стожжъ*, пос.; *Чертовские Стожжъ*, ур.). В названиях лесов отмечены географические термины *рудник* 'небольшой сосновый лес на болоте' (*Рудник*, лес; *Рудники*, лес, пок.; апеллатив фиксируется только на территории Устюженского и Чагодощенского районов Вологодской области) и *сельник* 'небольшой редкий лесок, служащий для выпаса скота' (*Андроновский Сельник*, лес; *Демидовский Сельник*, лес).

Только на территории Кадуйского района зафиксирован термин *фарта* 'узкая просека, разделяющая два земельных надела', см.: *Ступочная Фарта*, ур.; *Земляная Фарта*, *Маленькая Фарта*, *Широкая Фарта*, *Мельничная Фарта*, *Омутновская Фарта*, *Плосковская Фарта*, *Рижная Фарта*, *Скобольшая Фарта*, все – названия просек. Апеллатив не засвидетельствован лексикографическими источниками. Наиболее вероятным представляется, что слово восходит к вепсскому *fartal* 'квартал (участок леса)' [СВЯ, 83] < рус. *квартал*. Лексема имеет ограниченный ареал, все топонимы функционируют на территории Мазского сельсовета (на юге района, а не в месте концентрации вепсского населения).

Один из наиболее поздних слоев топонимии – многочисленные названия хуторов (вокруг некоторых деревень располагалось до двадцати хуторов и более). Хутора быстро появлялись и быстро исчезали, поэтому их названия представляют собой самую «неустойчивую» часть ойконимической системы. В ряде случаев это «полуфабрикаты» для будущих топонимов, застывшие речевые конструкции: *Бабушки Вениной Хутор*, *У Ваньки Горшка*, *Хутор Вани Чистовского* и т. п. В названиях хуторов отмечена структурная микросистема названий на -*ята*: *Ваганята*, *Макарята*, *Оводята* (в Андроновском сельсовете.).

В структурном отношении можно отметить географические названия, образованные по нетипичным для русской топонимии моделям:

– названия, возникшие на базе антропонима и апеллативной характеристики человека в им. п.: *Алёха Старик*, б. хут; микросистема названий хуторов в к. д. *Остров* – *Дядя Алёша*, *Дядя Паля*, *Дядя Филя*;

– напоминающие полукальки словосложения: *Клад-Камень*, камень; *Спас-Гора*, гора; *Вах-Починок*, д. (официальное название – *Вахонин Починок*).

С точки зрения семантики интересны соотносящиеся друг с другом названия соседних болот – *Железное Болото* и *Каменное Болото*. В этом же ряду необходимо отметить фикса-

цию названия куста деревень *Коера* в варианте *Железная Коера* с сообщением информанта о существовании песни, начинавшейся словами «Железная Коера, кованный народ...».

В топонимии Кадуйского района встретилось несколько этнотопонимов. Одни из них, возможно, содержат информацию о дорусском населении (*Чудин*, руч.; *Чудское*, бол.), другие возникли в связи с переосмыслением иноязычных топонимов, ср. *Татарщина*, д. (официальное название – *Ишкобой*): *Татарщиной называли, потому что жители те к нам придут, говорят что-нибудь, а мы их понять не можем*. Интересно, что название д. *Ишкобой* получает и другую этническую мотивировку: *Поляки тут были, бой был большой, вот и зовется: Ишь, какой бой*. Любопытная ситуация сложилась и с названием урочища *Паны*, относившемуся первоначально к географическому объекту в кусте деревень Остров Шикшеостровского сельсовета, а впоследствии перенесенному переселенцами на урочище у д. Крестовая, ср. также прозвище жителей этой деревни – *паны*. Происхождение названия урочища *Немецкая Делянка* может быть обусловлено различными факторами (ср., например, вполне реальную информацию о том, что «аэродром в Шоборове строили немцы»).

Этнонимы задействуются и при создании топонимических легенд. Наибольшее число таких легенд связано с поляками (*панам*), топонимические легенды с их участием распространены в восточной части района, в Бойловском и Андроновском сельсоветах: *Женищина Алёнка, где кладбище, со своей дружиной завела бой с поляками* (Алёнкино); ур. *Паны* у б. д. Остров – *Там ямы, паны были похоронены. Они, говорят, здесь жили, бежали от татаро-монгольского ига* (Крестовая); ур. *Паны* у д. Крестовая – *Наверное, и здесь паны похоронены, да не слышал* (Крестовая); поле *Хоронуха* – *Там, говорят, поляки золото закопали* (Нижний Починок); камень *Клад-Камень* – *Там паны польские в колодце клад зарыли и камнем завалили. Сколько раз хотели его поднять, перевернуть, так ничего и не вышло* (Илемное); ур. *Орешное* – *На Орешном камень есть, а под ним клад, его поляки зарыли. Так камень этот пять тракторов не могли вытащить* (Илемное); лес *Засека* – *От поляков засеку делали, так и стали Засекой лес звать* (Марлыково); б. д. *Пособково* – *Это бывшая деревня, по слухам, ее поляки сожгли* (Никоновская); *В 17 в. набеги поляков были, старую деревню Починок сожгли, а жители Новый Починок построили – так и назвали* (Новый Починок); б. д. *Осёлок* – *Раньше на Пособковой Горе наша деревня была, а называлась Осёлки, а потом польские паны пришли, и деревню сюда перенесли* (Пособково); д. *Панюково* – *Паны здесь жили всё – недалеко Демидов: кулак на кулаке* (Панюково).

На втором месте по популярности – топонимические предания о *финнах*. Ареал бытования этих преданий – северная часть района, что соотносится с территорией расселения в прошлом вепсов: поле *Клуковская* – *Лошади стояли, раньше финны здесь жили* (Крестовая); д. *Стан* – *Финнов сюда переселили в 632 году, племя какое-то; Племя какое-то было, и назвали Стан, что стояли здесь* (Стан).

Кроме поляков и финнов, участниками топонимических легенд становятся *татары*: ур. *Домницы* – *Место ямам таким. Татара, что ли, плавил руду* (Алеканово) – и *цыгане*: *Цыгане раньше приезжали, табором ездили, по ручью всё ночевали* (Успенское). Предания о цыганах связаны с этнотопонимами *Цыганский Мыс*, мыс; *Цыганский Угол*, пок.; *Цыганское Место*, ур. (все объекты находятся около с. Успенское).

Особенностью местных топонимических преданий, связанных с чужими этносами, является мотив захоронений, возможно, некоторые мотивировки наведены самими названиями – *Могилчи* (Могильцы), ур.; *Могильница*, пок.; *Могильницы*, поле: *Там могилы, русские с татарами бились* (Рыканец); *В какие-то старые времена шел ледник, там жило какое-то племя. Они все туда забрались, выкопали пещеру. Все племя ушло, столбы-то подпилили, и все погибли, черепа находили* (Кананьевская); *На Могильницах 10 лет назад хотели делать раскопки. Там всё ямы. В этих Могильницах народ подрывался. Ставили столбы и зарывали*

сами себя семьями. Русские были (Крестовая). Рассказывая о бывшей деревне Сяттрумузь, информанты упоминают о захоронениях в сидячем положении: *Там, говорят, сидя людей хоронили* (Аксентьевская); *Там часовенка была, там человек захоронен, сидя сидит* (Кананьевская).

Стоит также отметить распространенные топонимические легенды, связанные с именем Петра Первого: *Дуброво – это район был раньше, там петровская дорога, несколько деревень, ещё с тысяча семисотого года* (Подосинник); *Ехал Петр Первый мимо Ватбола да провалился. А тогда оно просто Ват было. После того случая «бол» добавилось* (Красное); *Завод Петра Первого стоял, лили пушки там* (Завод).

Как и любая топонимическая система, топонимия Кадуйского района содержит ряд семантических микросистем, как вполне традиционных (ср., например, пару *Белый Ручей – Черный Ручей*, которые впадают в р. Андога недалеко от с. Никольское, а также названия ручьев *Берёзовский, Осиновский, Ольховский*, впадающих в р. Колпь), так и достаточно необычных (ср. оппозицию названий бывших хуторов *Гласная – Согласная* или названия пожен *Кринка, Кувшин* и *Латка*, расположенных вблизи д. Бережок).

В топонимии района отмечено несколько вторичных (прецедентных) топонимов, большинство из которых репрезентируют семантику удаленности: *Камчатка*, часть д. Нижние (*На отшибе они*); *Карпаты*, лес; *Япония*, д. (официальное название – *Якшинская*), ср. также из материалов первой экспедиции – *Шанхай*, часть д. Андронов. Интересно, что коллективные прозвища жителей нескольких соседних деревень образуют микросистему – все они связаны с макротопонимами или названиями этносов: *черкесы* (жители д. Кананьевская), *паны* (жители д. Крестовая), *ленинградцы* (жители д. Коротневая), *япония* (жители д. Якшинская).

Задачи уточнения старого и сбора нового материала, стоявшие перед повторной экспедицией, можно считать выполненными. Проверены данные первой экспедиции (что наиболее значимо в отношении единичных фиксаций субстратной топонимии), уточнены связи между топонимами и соответствующими апеллятивами. Собрана новая топонимия территории недавнего вепсского расселения, названия специфичных в идеографическом отношении микротопонимических реалий.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера: В 3 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2001.

Матвеев А. К., Стрельников С. М. Лексические параллели между диалектами Белозерских и кильдинских саамов (по данным топонимии) // Этимологические исследования. Вып. 4. Свердловск, 1988. С. 23–27.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Субботина Л. А. Географический термин *бой* и его варианты в субстратной топонимии Белозерья // Этимологические исследования. Вып. 3. Свердловск, 1984. С. 98–118.

Субботина Л. А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С. 95–109.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

Чайкина Ю. И. О субстратных топонимах с формантом -гумзь (гумузь) в Белозерье // Вопр. ономастики. Вып. 12. Русская топонимия и географическая терминология. Свердловск, 1977. С. 119–123.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. SKST 556. Helsinki, 1992–2000. О. 1–3.

А. А. Макарова, магистрантка кафедры русского языка
и общего языкознания Уральского гос. университета
им. А. М. Горького (Екатеринбург)